

№ 564. — Письмо родным.

Перевод с французского.

[Февраль 1854 года. Петропавловская крепость.]

Мои дорогие друзья! Я знаю, какой ужасной опасности я подвергаю вас тем, что пишу это письмо. И все-таки я пишу его. Отсюда вы можете заключить, как велика сделалась для меня необходимость объясниться с вами и сказать, хотя бы один еще раз, несомненно, последний в моей жизни, свободно без принуждения то, что я чувствую, то, что я думаю. Я подвергну вас риску в первый, но и в последний раз. Это письмо - моя крайняя и последняя попытка снова связаться с жизнью. Раз мое положение будет как следует выяснено, я буду знать, должен ли я еще ждать в надежде быть полезным согласно мыслям, какие я имел, согласно мыслям, какие я еще имею и какие всегда останутся моими, или же я должен умереть.

Не обвиняйте меня ни в нетерпении, ни в слабости; это было бы несправедливо. Спросите лучше моего превосходного капитана, ныне майора - он вам повторит то, что часто мне говорил, что редко он видел заключенного, столь рассудительного, столь мужественного, как я. Я всегда в хорошем настроении, я всегда смеюсь, а между тем двадцать раз в день я хотел бы умереть, настолько жизнь для меня стала тяжела. Я чувствую, что силы мои истощаются. Дух мой еще бодр, но плоть моя становится все немощнее. Вынужденные неподвижность и бездействие, отсутствие воздуха и особенно жестокая внутренняя мука, которую только заключенный в одиночке подобно мне может понять, и которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью, развили во мне зачатки хронической болезни, которую я, не будучи врачом, не могу определить, но которая каждый день дает мне себя чувствовать все более неприятным образом. Это, я думаю, геморрой осложненный чем-то другим, мне неизвестным. Головная боль теперь у меня почти не прекращается; кровь моя бурлит и бросается мне в грудь и в голову и душит меня до того, что я целыми часами задыхаюсь, и почти всегда в ушах у меня стоит такой шум, какой производит кипящая вода. Два раза в день у меня обязательно жар: до полудня и вечером, а впродолжение всего остального дня меня мучит внутреннее недомогание, которое сжигает мое тело, туманит мне голову и, кажется, хочет меня медленно съесть. Впрочем, вы меня увидите. Ты меня найдешь очень изменившимся, Татьяна, даже с того последнего раза, когда мы с тобою виделись 1. Только один раз я имел случай посмотреть на себя в зеркало и нашел себя ужасно безобразным. Это впрочем, мало меня беспокоит. Я давно уже отказался от того, что старики вроде меня называют суетою, а молодые с гораздо большим основанием называют самую суть жизни. Для меня остался один только интерес, один предмет поклонения и веры - вы знаете, о чем я говорю, (Бакунин имеет виду революционную борьбу.) - и если я не могу жить для него, то я не хочу жить совсем. Поэтому меня мало трогает мое безобразие.

Меня мало трогала бы также эта болезнь, если бы только она захотела унести меня поскорее. Я не желал бы ничего другого, как поскорее исчезнуть вместе с нею; но медленно ползти к могиле, по дороге тупея,- вот на что я не могу согласиться. Правда в моральном отношении я еще крепок; моя голова ясна, несмотря на все боли, которые ее постоянно осаждают; воля моя, я надеюсь, никогда не сломится; сердце мое кажется каменным; но дайте мне возможность действовать, и оно выдержит. Никогда, мне кажется, у меня не было столько мыслей, никогда я не испытывал такой пламенной жажды движения и деятельности. Итак я совсем еще мертв; но та самая жизнь духа, которая, сосредоточившись в себе, сделалась более глубокою, пожалуй более могущественною, более желающею проявить себя, - становится для меня неисчерпаемым источником страданий, которые я не пытаюсь даже описать. Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе во всякую минуту дня и ночи: я-раб, я уничтожен, сделан бессильным к жизни; слышать даже в своей камере отголоски назревающей великой борьбы, в которой решатся самые важные мировые вопросы, - и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым. Быть богатым мыслями, часть которых, по крайней мере, могла бы быть полезною-и не быть в состоянии осуществить ни одной; чувствовать любовь в сердце - да, любовь, несмотря на эту внешнюю окаменелость, - и не быть в состоянии излить ее на что-нибудь или на кого-нибудь. Наконец чувствовать себя полным самоотвержения, способным ко всяким жертвам и даже к героизму для служения тысячекрат святому делу-и видеть, как все эти порывы разбиваются о четыре голые стены, единственных моих свидетелей, единственных моих поверенных! Вот моя жизнь! И все это еще ничего в сравнении с другою, еще более ужасною мыслью: с мыслью об идиотизме, который является неизбежным результатом подобного существования. Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько лет вы увидите, что сам Наполеон отупеет, а сам Иисус Христос озлобится. Мне же, который не так велик, как Наполеон, и не так бесконечно добр, как Христос, понадобится гораздо менее времени, чтобы окончательно отупеть. Не правда ли, приятная перспектива? Я еще обладаю - и думаю, что не льщу себе -всеми своими умственными я нравственными способностями; но я знаю, что так это не может долго продолжаться. Мои физические силы уже очень надломлены; очередь моих нравственных сил не замедлит наступить. Вы, надеюсь, поймете, что всякий мало-мальски уважающий себя человек должен предпочесть самую ужасную смерть этой медленной и позорной агонии. Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого одиночного заключения, столь восхваляемого американскими филантропами! 2

Зачем я так долго ждал? Кто ответит на этот вопрос? Вы не знаете, насколько надежда стойка в сердце человека. Какая? - спросите вы меня. Надежда снова начать то, что привело меня сюда, только с большею мудростью и с большею предусмотрительностью, быть может, ибо тюрьма по крайней мере тем была хороша для меня, что дала мне досуг и привычку к размышлению. Она, так сказать, укрепила мой разум, но она несколько не изменила моих прежних убеждений, напротив она сделала их более пламенными, более решительными, более безусловными³, чем прежде, и отныне все, что остается мне в жизни, сводится к одному слову: свобода⁴.

[Конец не сохранился].

